

КАК УБЕРЕЧЬ ЛЮБИМОЕ ЧАДО ОТ БЕД, ПРИВИВАЯ ЕМУ НАВЫКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ?

Ближе к году из беспомощного комочка кроха превращается в любопытного сорванца, исследующего все вокруг. А мамочке сложно перестроиться: ей по-прежнему хочется защитить, оградить и подстелить любимому чаду соломки. Карапуз усиленно сопротивляется маминой опеке и говорит: «Я сам!» Как маме и малышу понять друг друга?

ПОПЕРЕК ЛАВКИ

Пока я лежал, меня все устраивало. Дают кушать по требованию, играют, нежно воркуют. А если захочется перемен, достаточно запищать, и мама тут же берет тебя на ручки. Так я понял, что из вертикального положения видно гораздо больше – и вскоре пополз, а потом и сделал первые шаги.

Уже тогда мама хваталась за голову: вот только что тут под ногами был ребенок, а через секунду он уже гремит чем-то на кухне. Ну и конечно, выяснялось, что все кастрюли и крышки вывернуты из шкафов, а сам я сижу среди перевернутых банок с макаронами и горохом и радостно хохочу. Мама в панике: развлечений на минуту, а уборки – на полдня. Тогда-то и зазвучало впервые жесткое «нельзя». Причем особенно категоричное «нельзя» касалось гороха и макарон, засунутых в рот без маминого пригляда, и очень интересных дырочек в стене, куда тянулись провода и где, по уверениям мамы, жил загадочный «электрический ток».

С каждым днем запретов становилось все больше: «Вынь бяку изо рта!», «Перестань облизывать пол!», «Куда полез, нельзя!», «Немедленно перестань мучить кота». Получалось, что все, что интересно, познавательно и очень-очень весело, категорически запрещалось. Потом кто-то сказал маме, что если она все-все-все будет мне запрещать, я вырасту несамостоятельным и трусливым парнем. Дескать, малыш должен знать слово «нельзя», но это «нельзя», во-первых, должно быть постоянным и неизменным (уж если запрещено трогать розетки, так не отступай от этого правила никогда и ни при каких обстоятельствах), а во-вторых – «нельзя» не должно быть слишком много.

Поэтому мама окорачивала мои исследовательские порывы иначе. Например, надежно заперла дверцы шкафов, где хранились запретные сокровища – правда, несколько коробок и ящиков оставила на растерзание, но в них не было ни острого, ни вредного, ни опасного для жизни. Мне очень нравилось исследовать подводные глубины унитаза – но однажды и на нем я обнаружил «замок». А вот кошачью миску изолировать было сложнее, и совать в нее нос мне было категорически нельзя. Впрочем, после одной из кровавых стычек с котом за его ужин я и сам понял, что лучше не надо.

ПЕРВЫЙ КРИЗИС

У мамы в голове идиллическая картинка: умытый чистый ангелочек послушно идет рядом с нею рука в руке, не обращая внимания на жутко интересные лужи вокруг и шелудивых псов, не кричит на бабушку, не дерется с соседом Пашкой, зато прекрасно кушает и умиляет всех своими глубокими познаниями и прекрасными манерами. А я – не ангел. «Если с ним так трудно сейчас, в год, то что будет, когда он станет подростком?» – жаловалась мама моей бабушке, своей маме. «Деточка, – сказала моя мудрая бабушка, – то, что он сейчас так злится, пытается все сделать сам и сует во все свой любопытный нос – это показатель того, что он здоров и все нормально».

У бабушки 20 лет педагогического стажа, так что ей можно верить. Мама сама бы лучше вспомнила, как это сложно – учиться чему-то новому. Например, учиться ходить. В мыслях я уже бегу, бегу к своему лучшему другу Пирату, дворовому псу, живущему в будке у помойки, а мама надевает на меня постромки, прямо как тоже на какую собачку, и разворачивает в сторону.

Мало того что меня пока ножки слабо слушаются, то и дело падаю, и «бегу» – на самом деле выглядит как «несмело ковыляю»! Уже одно это может ужасно разозлить. А тут еще и мама со своим видением идеальной прогулки! Вот я и ору, и злюсь: на

непослушные ноги, на непонятливую маму, на усталость и – на всякий случай. Теперь любые мамины «нельзя», даже самые-самые запретные, обязательно мною проверяются – а правда, что ли? Про кота я уже сказал, шанса засунуть пальцы в розетку мне не дали, поставив хитрые заглушки, но есть еще длинная скатерть на столе, книжки на папином стеллаже, швейная машинка и мобильный телефон мамы и много другого увлекательного... Маме приходится следить за мной во все глаза, кабы чего не вышло. Но ведь я не только окрестности изучаю, мне и люди очень интересны. Вот что будет, например, если я откажусь сегодня есть свою любимую гречневую кашу и начну ее выплевывать? О, мама начала ругаться, это так смешно выглядит!

Раз это так смешно, пожалуй, в ванной тоже сегодня устрою истерику – посмотрим, как она на это среагирует? Испугается? Рассердится? Рассмеется? Мама, конечно, устает, ее можно понять. Но мне так интересно испытывать ее, папу, бабушку, себя и свой характер на прочность. Правда, иногда это заканчивается печально, слезами, наказаниями, а однажды мама не выдержала и, хлопнув дверью, выбежала из комнаты. Вот тут я по-настоящему испугался, и все капризы вылетели у меня из головы. Ведь каким бы самостоятельным я ни был, как жить без мамы, пока не представляю. Кто мне поможет надеть колготки и нальет попить? Конечно, мама! Кто утешит, если что-то не получается? Тоже мамочка. Мне всего год, и я пока только притворяюсь самостоятельным, мама, мамочка, не уходи!

УЖАСНЫЕ ДВУХЛЕТКИ

В два года мама совсем перестала называть меня зайчиком, зато «кошмарный ребенок» звучало все чаще. Вот я не понимаю: чего ужасного в том, что я хочу все сделать сам? Дайте мне ложку, я могу сам есть, не надо меня кормить! И колготки я могу сам надеть! Пусть задом наперед, но сам! Недавно мама сказала, что скоро я пойду в садик и мамы там не будет. Поэтому мне надо готовиться к жизни без семьи, а мне не дают. И при этом все снова твердят о «кризисе». Мне на самом деле очень непросто сейчас. Представляете, недавно я понял, что есть я, а есть все остальные люди. Это удивительное открытие, ведь когда-то мне казалось, что мы с моей мамочкой – одно целое. Я, оказывается, умею ходить, могу объясниться, и если раньше я о себе говорил в третьем лице, как мама – «Саша хочет бай-бай», то теперь все чаще говорю про себя «Я». Мне нравится «якать» гораздо больше, чем «мамкать»! Поэтому, кстати, я люблю гулять не с мамой, а с папой. Мне кажется, что папа только притворяется взрослым, а на самом деле он такой же мальчишка, как и я. Он говорит, что я должен быть смелым и сильным, и никогда не запрещает мне делать то, что хочется: качаться на качелях, прыгать в сугробы или играть в футбол со старшими мальчишками. Он и сам с радостью присоединяется ко мне, а если я падаю, говорит: «До свадьбы заживет» и «Шрамы украшают мужчину», – и улыбается.

И мои слезы куда-то уходят, при папе мне почему-то совсем не хочется плакать из-за каждого синяка, как при маме. А сегодня я сделал важное открытие! Это, наверное, только я могу жить сам по себе и все делать самостоятельно. А мама без меня ничего не может. Если я не намусорю, что ей будет убирать? А если она не будет меня кормить с ложечки, то чем ей заняться во время обеда? И если я – за дверь, она же места себе не находит!

В общем, для мамы мы с нею – по-прежнему одно целое. Даже не знаю, как рассказать ей горькую правду: что я уже многое могу без ее помощи. Она, наверное, жутко расстроится, начнет плакать, будет ругаться. Как бы кризисом дело не кончилось...

журнал "Мой маленький" март 2013